

ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Глава 4. ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

После обеда Михаил, почувствовал некоторый прилив сил. Головокружение от бессонной ночи исчезло, и поэтому Михаил, ранее планировавший поспать два часа после обеда, решил, что у него хватит еще сил продуктивно поработать часов пять или шесть. Он направился в следственный отдел, обдумывая по дороге, как ему организовать следственный процесс по делу "О трех убийствах", так чтобы можно было уложиться в срок.

Войдя в следственный отдел, он увидел слева двух людей, сидящих за рабочими столами. Они встали со своих мест, направились к Михаилу и представились. Один из них, назвавшийся следователем Бурковским, был лет тридцати пяти. С застывшей улыбкой он подал руку Михаилу, однако взгляд у него был сверлящим, профессиональным, что придавало улыбке искусственность и вместе с ней выражало высокомерие. Это сразу настораживало и призывало соблюдать дистанцию. Второй следователь, Тихонов, напротив, имел открытую, живую улыбку, но при этом глуповатый, неподвижный взгляд, чем производил впечатление недалекого человека.

Михаил пожал руку каждому из них и приветливо улыбаясь, представился. Следователь Бурковский торопливо посмотрел на часы и, прервав на полуслове Тихонова, который намеревался поподробнее узнать о Михаиле, резко, сухо сказал: "Извините, товарищ Михайлов, мне думается, мы позднее познакомимся с вами поближе, а сейчас у меня срочные дела". И взглянул на Тихонова. Тот тут же подхватил: "Точно. И у меня срочные дела. Поговорим позднее". Михаил дипломатично улыбнулся обоем и произнес: "Вы правы. День выдался такой, что и у меня дел невпроворот. Познакомимся поближе позднее".

«Да, кстати, - неожиданно обратился Бурковский к Михаилу уже направляющемуся к своему столу. - Меня просили передать вам, чтобы вы, товарищ Михайлов, получили от секретаря почту». «Почту?» - переспросил Михаил. «Да, заключения экспертов по делу

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

о трех убийствах», - уточнил Бурковский.

Михаил поблагодарил его и тут же вышел из отдела. Получив запечатанный конверт, возвратился в отдел, вынес из сейфа стопку документов и положил их на стол справа от себя. Распечатал конверт и разложил его содержимое перед собой на столе. Это были акты с медицинскими анализами, несколько протоколов с заключениями экспертов и несколько фотографий трех трупов, снятых в разных положениях: двух повешенных и убитого, с торчащим ножом в груди.

Михаил внимательно просмотрел все фотографии, и стал внимательно читать акты и протоколы с заключениями медицинских экспертов. В документах указывалось, что отпечатки пальцев, оставленные на рукоятке самодельного ножа, принадлежат обоем повешенным. Следы крови убитого самодельным ножом обнаружены на руках и одежде обоех повешенных. Убийство было совершено между 2-мя и 3-мя часами утра. Следы самозащиты от насильственного убийства на трупе не обнаружены, что является основанием для предположения, что убийство произошло во время сна.

Однако было известно, что убитый по кличке Саморуб никогда по ночам не спал. Предположения, что сон мог быть вызван препаратами, повлиявшими на него как снотворное, не подтвердились. Проведенные медицинские анализы со вскрытием трупа показали, что никакие препараты, могущие оказать снотворное влияние, им не употреблялись. Полость рта трупа была заполнена человеческими отходами спустя 5-15 минут после наступления смерти. Следы того же дерьма были обнаружены на руках и руках обоех повешенных и на их самодельных сплетенных веревках.

Предположение, что они были повешены насильственно, очень сомнительно, потому что следов крови и человеческих нечистот не было обнаружено на одежде или под ногтями ни у одного сокамерника. Также не было обнаружено свежих следов физического воздействия на трупах повешенных.

Закончив чтение протоколов, Михаил сделал несколько записей на листке бумаги. Переложив содержимое конверта в отдельную папку, подписал её и отложил в сторону. После этого вынес из общей стопки самую толстую

папку. Это было дело Шаломея Самуила Захаровича - одного из повешенных.

Он раскрыл папку. В глаза сразу бросилось знакомое название улицы, записанное в первом протоколе: "Место постоянного жительства: улица Майда-Милат". «Это улица, - стал размышлять Михаил, - на которой также проживает семья Баруха Аминова, в квартале, где живет и семья Якова Рубинова - раввина». В протоколе было указано, что Шаломея долгое время, на протяжении десяти лет, вплоть до ареста, занимал должность заместителя директора школы. «Видный человек, - подумал Михаил. - Вероятно, раввин Яков знал его, а еще более вероятно, что Шаломея знал Якова. Мать Баруха говорила, что раввина Якова в махалле знают все».

Яков Рубинов был доставлен в эту камеру за день до убийства Шаломея, то есть не убийства, а, согласно протоколам экспертизы, самоубийства. «Могла ли эта встреча, - продолжал размышлять Михаил, - явиться причиной самоповешения, то все равно, узнав друг друга, они наверняка общались между собой - и тогда Якову Рубинову могли бы стать известны мотивы самоубийства Шаломея». Михаил записал эту мысль и углубился в чтение документов, находившихся в деле Шаломея.

Зам директора школы был арестован по доносу учителя истории той же школы. Донос был написан накануне ухода директора школы на пенсию.

В одном из актов расследования было отмечено, что в Минпросе вопрос о новой кандидатуре все еще оста-

вался открытым. Однако среди работников школы ходили слухи, что Минпрос имеет в резерве лишь две кандидатуры на это место. Кандидатами были заместитель директора школы Самуил Захарович Шаломея и учитель истории Анатолий Андреевич Хитров.

В доносе Хитров писал, что Самуил Захарович Шаломея - скрытый враг, ярый сионист. Настоящее имя его Сион Исахарович. На вечеринке, которую устроил директор школы по поводу своего ухода на пенсию, Шаломея якобы спяну проговорился, что его далекие предки были приближенными эмира бухарского, а прадеды и деды были приближенными кокандского хана. Хитрову также стало известно из уст Шаломея, а у того за границей проживает много родственников. Это очень состоятельные и влиятельные люди, которые были бы рады оказать ему любую материальную поддержку, будь это возможно, и вообще мечтают воссоединиться с ним.

За все долгие месяцы пребывания Шаломея в заключении, его допрос проводился только один раз. На допросе Шаломея заявил, что предъявленные ему обвинения, зачитанные с доноса, - сущая чушь. Дескать, он никому никогда такого не говорил - всё это ложь и клевета, что можно легко проверить, так как его прадед, дед и отец всю жизнь прожили не в Коканде, а в Самарканде, были очень бедными, неграмотными людьми и никогда не имели богатых родственников, поэтому не могли быть приближенными кокандского хана.

Однако, несмотря на то, что свидетелем «вражеских» слов Шаломея был только один человек - Хитров, а все остальные опрошенные ото-

звались о нем как о чрезвычайно преданном партии человеке, следствие шло в тупик. Следователей не хватало, и расследование дела Шаломея было решено отложить в "долгий ящик".

В толстой папке дела Шаломея были собраны различные документы: похвальные грамоты, свидетельства о награждении, характеристики с места работы, старые характеристики от командиров Красной армии, а также рекомендательные письма от районных, городских, областных и партийных комитетов с подписями председателей и других известных влиятельных людей. Шаломея характеризовали как участника гражданской войны, непримиримого борца против врагов советской власти, против религии, политически грамотного и образованного человека, неутомимого общественного агитатора еврейского квартала города Коканда. В письмах указывалось, что он критикует пережитки прошлого у евреев, старые традиции в среде своего квартала и за его пределами, является незаурядным реорганизатором быта местных евреев, активным организатором общественных мероприятий по искоренению в еврейских семьях обычаев и взглядов, противоречащих учениям партии, Ленина и Сталина и политике современного общества.

В папке также находились копии доносов, сделанных самим же Шаломея, написанных им в разное время. Среди множества доносов Михаил обратил особое внимание на недавно датированные. Это были следующие письма. Донос на Иосифа Аминова, отца Баруха, которого Шаломея называл вредителем и скрытым врагом народа, распространяющим среди людей еврейского квартала вражескую критику политики партии и советского государства. Донос на нескольких раббев занимающихся членовредительством, а именно, тайно проводящих обрезания восьмидневным еврейским мальчишкам. Донос на Якова Рубинова, подписанный Шаломея 1 апреля 1936 года.

«Значит, мой предположение оказалось верным, - заключил Михаил. - Шаломея знал Якова. Итак, допущен серьезный промах следственным отделом: Рубинова поместили в одну камеру с Шаломеяем».

Продолжение следует